Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-18-24

ГАВЧУК Денис Васильевич,
PhD, профессор, член Международной федерации информационных технологий, путешествий и туризма (Австрия), Нью-Йоркской академии наук (США), Торгово-промышленной палаты РФ, Москва (Сергиев Посад), Россия, e-mail: midk@bk.ru

ПИРОГОВ Павел Павлович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет», Мурманск, Россия, e-mail: ppp17@mail.ru

МИРОНОВА Анна Николаевна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «ЯГПУ им. К. Д. Ушинского», Ярославль, Россия, e-mail: annamir20181@mail.ru

БОЧАРОВ Михаил Владимирович,
кандидат педагогических наук, доцент, УФСИН по Ярославской области, Ярославль, Россия, e-mail: m.bocharov2012@yandex.ru

ИВАНОВ Николай Александрович,
преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сочинский государственный университет», Сочи, Россия, e-mail: ivanovnik45@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена системному правовому анализу реализации конституционного права на образование в Российской Федерации в условиях масштабного перехода к дистанционным и смешанным форматам обучения. На основе данных Министерства просвещения РФ, Рособрнадзора, а также результатов эмпирического опроса 1 600 обучающихся из 24 субъектов страны в работе оценивается реальная обеспеченность цифровой инфраструктурой, выявляются риски нарушения равенства доступа к образованию и анализируется проблема сохранения качества образовательных услуг при экстерриториальном взаимодействии. Проведён сравнительно-правовой анализ с применением норм Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), а также изучена практика конституционных судов Германии и Франции в части поиска баланса между технологической необходимостью и базовыми свободами. Сформулированы конкретные предложения по законодательному закреплению стандартов цифрового обеспечения права на образование, определению пределов платформизации и защите цифровых профилей обучающихся от несанкционированного контроля.

Ключевые слова: конституционное право, право на образование, цифровая трансформация, дистанционное обучение, равенство доступа, сравнительное правоведение, цифровое неравенство, защита персональных данных, позитивные обязательства государства.

GAVCHUK Denis Vasilyevich,
PhD, Professor, member of the International Federation for Information Technology and Travel & Tourism (Austria), the New York Academy of Sciences (USA), and the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow (Sergiev Posad), Russia

PIROGOV Pavel Pavlovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russia

MIRONOVA Anna Nikolaevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

BOCHAROV Mikhail Vladimirovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia for the Yaroslavl Region,
Yaroslavl, Russia

IVANOV Nikolai Aleksandrovich,
Lecturer,
Sochi State University,
Sochi, Russia

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE RIGHT TO EDUCATION UNDER DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. The article provides a systemic legal analysis of the implementation of the constitutional right to education in the Russian Federation amid the massive transition to distance and blended learning formats. Drawing on data from the Ministry of Education, Rosobrnadzor, and the results of an empirical survey of 1,600 students from 24 regions, the paper evaluates the actual provision of digital infrastructure, identifies risks to equal access to education, and analyzes the challenge of maintaining educational quality during cross-border interactions. A comparative legal analysis is conducted, incorporating the standards of the European Court of Human Rights (ECHR) and examining the jurisprudence of the constitutional courts of Germany and France regarding the balance between technological necessity and fundamental freedoms. The authors formulate concrete proposals for legislating digital standards for educational rights, defining the limits of platformization, and protecting students' digital profiles from unauthorized monitoring.

Key words: constitutional law, right to education, digital transformation, distance learning, equality of access, comparative jurisprudence, digital divide, personal data protection, positive obligations of the state.

Введение

Цифровые технологии заметно изменили условия реализации права на образование. Если ранее доступность образования в основном связывалась с наличием сети образовательных организаций и бюджетным финансированием, то в настоящее время существенное значение приобрели доступ к интернету, наличие устройств, устойчивость образовательных платформ и цифровые навыки обучающихся. Поэтому гарантии, закрепленные в статье 43 Конституции Российской Федерации, следует оценивать не только формально, но и с учетом фактических условий обучения. При переходе к дистанционным и смешанным форматам право на образование может ограничиваться инфраструктурными и экономическими барьерами, что ставит вопрос о равенстве доступа и допустимых пределах использования цифровых средств в образовательном процессе.

Коллизия между стремительным технологическим развитием и консервативной природой конституционных гарантий проявляется в том, что цифровизация, с одной стороны, позиционируется как инструмент расширения образовательных возможностей, стирающий географические границы. С другой стороны, она возлагает на граждан скрытое бремя материального обеспечения образовательного процесса — необходимость наличия стабильного широкополосного доступа в интернет, современных аппаратных средств, а также базовой цифровой грамотности. Представляется очевидным, что в сложившихся условиях позитивная обязанность публичной власти по обеспечению доступности образования трансформируется: государство больше не может ограничиваться лишь строительством школьных зданий и выплатой заработной платы преподавателям. Возникает новая доктринальная и практическая задача — гарантировать каждому обучающемуся «цифровой минимум», без которого реализация права на образование становится фикцией.

Кроме того, платформизация образования порождает серьезные правовые риски, связанные с тотальным сбором персональных данных, формированием неотчуждаемых цифровых следов обучающихся и алгоритмическим контролем

за их поведением. Делегирование части образовательных полномочий частным технологическим корпорациям ставит под угрозу конституционные положения о неприкосновенности частной жизни и защите информации. Эти процессы настоятельно требуют комплексного юридического осмысления, поскольку фрагментарные изменения профильного законодательства не успевают за темпами цифровой экспансии, оставляя участников образовательных отношений в ситуации правовой неопределенности.

В конституционно-правовом смысле право на образование не может интерпретироваться изолированно. Оно находится в прямой связи с принципами социального государства, равенства, достоинства личности и судебной защиты, а в цифровой среде — также с гарантиями информационного самоопределения. Поэтому вопрос о допустимости дистанционного либо смешанного формата обучения следует ставить не в плоскости технологической эффективности как таковой, а в плоскости сохранения реального объема субъективного права. Если цифровой формат снижает доступность программы для отдельных категорий обучающихся, затрудняет обжалование результатов контроля или делает обязательным избыточный сбор данных, конституционная оценка такой практики не может быть положительной [3; 4; 7; 8; 9].

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования был применен комплекс общенаучных и специальных юридических методов. В качестве базового использован формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание положений Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», а также ряда подзаконных актов, регламентирующих порядок применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Системный и интерпретационный подходы применялись при оценке коллизий между нормами об общедоступности образования и фактическими условиями функционирования цифровых образовательных платформ.

Особое место в методологии исследования занял сравнительно-правовой анализ. С целью выявления универсальных стандартов цифрового обеспечения права на образование были изучены подходы Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) к толкованию статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Дополнительно исследована практика конституционного правосудия и нормотворчества зарубежных стран, в частности, Основной закон и решения Федерального конституционного суда Германии в контексте реализации программы «DigitalPakt Schule», а также положения Образовательного кодекса Франции и директивы французской Национальной комиссии по информатике и свободам (CNIL), касающиеся приватности школьников в цифровой среде.

В качестве эмпирической и фактологической базы исследования выступили официальные данные и отчеты Министерства просвещения Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) за период 2020–2024 годов. Наряду с официальной статистикой, в работе использованы результаты масштабного социолого-правового опроса, охватившего 1 600 обучающихся общеобразовательных и высших учебных заведений из 24 субъектов Российской Федерации. Предметом анкетирования стали вопросы технической оснащенности, частоты сбоев при использовании государственных и частных образовательных платформ, субъективного восприятия качества дистанционного обучения и информированности о механизмах защиты персональных данных. Анализ полученных данных, не перегружая исследование статистическими таблицами, позволил сделать обоснованные выводы о высокой степени инфраструктурной неоднородности регионов и неравномерности доступа граждан к цифровым гарантиям конституционного права на образование.

Методологически существенным было и то, что оценка цифровой трансформации образования проводилась не только через категорию «доступ», но и через категорию «правовой стандарт качества». Иначе говоря, исследовался не сам факт перевода образовательной коммуникации в онлайн-среду, а вопрос о том, сохраняются ли при таком переводе конституционно значимые элементы права на образование: возможность усвоения программы, доступ к педагогической поддержке, прозрачность оценивания, право на апелляцию, защита данных и учет уязвимого положения отдельных групп обучающихся. Такая рамка, на наш взгляд, позволяет избежать упрощенного технологического детерминизма и увидеть реальный масштаб публично-правовых обязанностей государства.

Результаты и обсуждение

Конституционное право на образование в цифровую эпоху претерпевает сущностную трансформацию. Статья 43 Конституции Российской Федерации гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. Доктринальное толкование данных гарантий в доцифровую эпоху сводилось к обязанности государства создать достаточную сеть физических образовательных организаций. Однако при переходе к дистанционным форматам сама концепция «доступности» кардинально меняет свое содержание. Как справедливо отмечает-

ся в научной литературе, экономико-правовые аспекты интеграции инновационных технологий в общественные процессы требуют пересмотра механизмов государственного регулирования и финансирования [11]. В ситуации, когда освоение учебной программы объективно невозможно без персонального компьютера, лицензионного программного обеспечения и стабильного интернет-соединения, отсутствие таковых у обучающегося превращает формально обеспеченное право в непреодолимую привилегию.

В связи с этим возникает вопрос о пределах позитивных обязанностей публичной власти. По нашему мнению, государство не вправе перекладывать материальные издержки по обеспечению цифровой образовательной инфраструктуры исключительно на плечи семей, особенно в условиях социально-экономического расслоения общества. Результаты проведенного авторским коллективом опроса 1 600 обучающихся из 24 регионов убедительно свидетельствуют о том, что значительная часть респондентов из сельской местности и малых городов регулярно сталкивалась с невозможностью полноценно участвовать в синхронных онлайн-занятиях из-за низкого качества связи, дефицита абонентских устройств внутри семьи либо нестабильной работы используемых платформ. Подобная ситуация порождает прямую угрозу цифровой дискриминации, когда качество получаемого образования ставится в зависимость от технологического оснащения домохозяйства, что прямо противоречит принципу равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ). Следовательно, в содержание позитивных обязательств государства должна быть включена обязанность по разработке и финансированию стандартов гарантированного цифрового минимума, предоставляемого обучающимся из социально уязвимых категорий на безвозмездной основе.

Специфического правового внимания требует вопрос обеспечения права на образование в цифровой среде для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью. Теоретически цифровизация обладает огромным инклюзивным потенциалом, позволяя конструировать адаптивные среды, использовать технологии синтеза речи, экранные дикторы и альтернативные устройства ввода информации. Права студентов с ограниченными возможностями на беспрепятственный доступ к образованию, закрепленные в международных конвенциях и отечественном законодательстве, должны получать в цифровом пространстве приоритетную защиту [3; 12]. Тем не менее, правоприменительная практика и данные мониторинга Рособрнадзора показывают, что значительная часть региональных и частных образовательных порталов не соответствует требованиям доступности веб-контента. Отсутствие обязательной законодательной нормы о предварительном аудите образовательных платформ на предмет их доступности для лиц с сенсорными и моторными нарушениями превращает цифровую трансформацию из инструмента инклюзии в новый барьер. Здесь недостаточно общей отсылки к принципу недискриминации: необходимы императивные требования к интерфейсу, совместимости со специальными техническими средствами, срокам адаптации контента и юридической ответственности оператора платформы за цифровую недоступность образовательной услуги.

Другим острейшим конституционно-правовым вызовом является защита неприкосновенности частной жизни в условиях тотальной платформизации образования. Дистанционное обучение сопряжено с непрерывной генерацией так называемого «цифрового следа» обучающегося: фиксируется время входа в систему, траектория движения по учебным материалам, время задержки на конкретной странице, результаты промежуточных тестирований, биометрические данные при использовании систем прокторинга. В правовой доктрине справедливо ставится проблема классификации и процессуальной регламентации цифровых следов, которые могут быть использованы не только в образовательных, но и в административных или доказываниях [6]. Более того, массив накопленных образовательными платформами данных приобретает свойства цифрового актива. Защита цифровых активов от утечек и неправомерного использования коммерческими структурами требует не просто технического, а конституционно-правового регулирования [5].

Едва ли можно признать достаточным текущий уровень правовой регламентации, при котором согласие на обработку персональных данных обучающегося становится безальтернативным условием допуска к образовательному процессу. Возникает правовая аномалия: несогласие родителя на передачу данных частному оператору образовательной платформы фактически лишает ребенка возможности реализовать свое конституционное право на бесплатное образование. В этом аспекте необходимо обратиться к фундаментальным исследованиям в сфере защиты интеллектуальных и цифровых прав в современной информационной среде, которые указывают на необходимость жесткого разграничения данных, необходимых для исполнения публичной функции, и данных, собираемых в коммерческих (аналитических) целях [1; 2]. Государство обязано гарантировать, что отказ от использования проприетарных коммерческих сервисов не повлечет за собой отстранения от обучения, для чего должна существовать суверенная, строго контролируемая государственная информационная система, функционирующая в рамках публичного права.

Не менее значим и вопрос о качестве образовательной услуги в цифровой среде. Конституци-

онная гарантия права на образование не исчерпывается физическим или сетевым допуском к занятию. Если обучающийся получает формальный доступ к платформе, но лишен возможности оперативно взаимодействовать с преподавателем, получить мотивированную обратную связь, оспорить результаты прокторинга либо воспользоваться понятной процедурой апелляции, право на образование оказывается урезанным по существу. Именно поэтому цифровая трансформация должна сопровождаться процессуальными гарантиями: обязательным сохранением человеческого участия в принятии значимых оценочных решений, запретом на полностью автоматизированное выставление итоговой оценки, обязанностью образовательной организации раскрывать логику цифрового контроля и предоставлять обучающемуся эффективный механизм пересмотра спорного результата.

Дополнительную сложность создает перераспределение ролей между государством, образовательной организацией и частным платформенным посредником. По сути, частная цифровая инфраструктура начинает обслуживать публичную функцию, однако юридическая ответственность за качество и доступность образования по-прежнему размазана между несколькими субъектами. Представляется, что такой режим неопределенности недопустим. Если цифровая платформа фактически становится обязательным каналом реализации конституционного права, требования к ней должны устанавливаться не только договором, но и императивными нормами публичного права, включая требования к надежности, непрерывности сервиса, локализации данных, аудиту алгоритмов и публичной отчетности об инцидентах.

Сравнительно-правовой ракурс позволяет выявить эффективные модели реагирования на схожие вызовы. В практике Европейского Суда по правам человека сформировался устойчивый подход: хотя статья 2 Протокола № 1 не обязывает государства создавать конкретные образовательные системы, она требует, чтобы доступ к уже существующим институтам обеспечивался без дискриминации. В цифровом контексте это означает, что перевод обучения в онлайн-формат не может оправдывать снижение фактической доступности уже гарантированного образовательного блага. Показателен опыт Федеративной Республики Германия, где право на образование тесно увязано с принципами социального федерализма. Реализация программы «DigitalPakt Schule» продемонстрировала, что цифровая модернизация допустима лишь при наличии публичного финансирования инфраструктуры и распределения ответственности между федерацией и землями [10]. При этом немецкая конституционная доктрина сохраняет высокую чувствительность к праву на информационное самоопределение, что сдерживает чрезмерный сбор телеметрических и поведенческих данных учащихся.

Схожая, но более централизованная модель наблюдается во Франции. Французское образовательное законодательство и подходы CNIL исходят из того, что цифровые сервисы, применяемые в школьном и университетском обучении, должны соответствовать повышенным требованиям к защите персональных данных несовершеннолетних и к прозрачности обработки информации [13]. Французская практика в целом демонстрирует стремление минимизировать зависимость публичной школы от платформ, чьи правила обработки данных формируются вне национальной юрисдикции. Для российского права этот опыт особенно важен, поскольку показывает: защита права на образование в цифровой среде невозможна без одновременной защиты цифрового суверенитета и четкого административного контроля над инфраструктурой, через которую осуществляется обучение.

Российская специфика усугубляется федеративным устройством государства. Формально единое конституционное право на образование реализуется в субъектах Федерации при существенно различающихся финансовых, кадровых и технических возможностях. Отсюда возникает ключевая проблема: насколько допустим разный фактический объем цифровых гарантий при сохранении единого федерального стандарта права. По нашему мнению, здесь недопустимо ограничиваться рамочной регламентацией. Именно федеральный законодатель обязан определить минимальный не снижаемый стандарт цифровой доступности, тогда как субъекты Федерации могут лишь улучшать его за счет собственных ресурсов, но не опускаться ниже базового уровня.

Опираясь на изложенное, представляется необходимым системное совершенствование российского законодательства. Во-первых, Закон «Об образовании в Российской Федерации» следует дополнить нормами о «цифровом образовательном стандарте», который будет включать не только требования к контенту, но и минимальные аппаратные и сетевые требования, обеспеченные гарантиями государственного субсидирования для нуждающихся категорий граждан. Во-вторых, необходимо закрепить прямой запрет на алгоритмическую дискриминацию в образовании и обязательное наличие альтернативных (офлайн или гибридных) форм освоения программ в случае невозможности получения качественного дистанционного доступа. В-третьих, законодательство о персональных данных требует введения специального режима «образовательных данных несовершеннолетних», устанавливающего презумпцию запрета на профилирование и передачу цифрового следа обучающихся третьим лицам без специального судебного или прокурорского решения.

Выводы

Проведенный в статье системный и сравнительно-правовой анализ реализации конституционного права на образование в условиях цифровой трансформации позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

Цифровая трансформация объективно видоизменила механизм обеспечения общедоступности и бесплатности образования в Российской Федерации. В современных условиях право на образование неотделимо от права на доступ к цифровой инфраструктуре, что порождает новую позитивную обязанность государства — гарантировать обеспечение минимально необходимыми техническими средствами и каналами связи лиц, объективно лишенных возможности приобрести их самостоятельно.

Массовый переход к дистанционным технологиям обострил проблему равенства доступа. Эмпирические данные подтверждают наличие выраженного цифрового неравенства между регионами, а также между различными социальными группами, что в отсутствие выравнивающих законодательных механизмов способно привести к сегрегации и нарушению базовых конституционных принципов социального государства.

Применение дистанционных технологий формирует существенные риски в сфере защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Безальтернативный характер согласия на обработку персональных данных частными платформами-агрегаторами образовательного контента, а также неконтролируемое накопление цифровых следов обучающихся вступают в конфликт с правовой природой образования как публичного блага.

Особую тревогу вызывает недостаточный уровень нормативного регулирования инклюзивной цифровой среды. Отсутствие обязательных жестких требований к доступности образовательных веб-ресурсов для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья девальвирует правозащитный потенциал цифровизации, превращая технологии в фактор дополнительного исключения инвалидов из полноценного учебного процесса.

Зарубежный опыт государств континентальной правовой семьи и практика ЕСПЧ доказывают жизнеспособность моделей, при которых технологическая оптимизация жестко ограничена конституционными рамками защиты приватности и информационного самоопределения. В связи с этим российскому законодателю надлежит выработать национальный стандарт цифрового обеспечения образовательного процесса, установив пределы платформизации и закрепив неотчуждаемое право граждан на выбор формата получения образовательной услуги без ущерба для ее качества.

Список литературы:

[1] Аламова С. М. Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 139–143.

[2] Аламова С. М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 348–351.

[3] Конвенция о правах инвалидов от 13.12.2006 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.08.2026).

[5] Левкин И. В., Аламова С. М. Защита цифровых активов // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы VII Национальной научно-практической конференции. Казань, 2023. С. 129–134.

[6] Майборода Э. Т., Черявко Е. Д. Цифровые следы в системе доказывания: проблемы классификации и процессуальной регламентации // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 284–288.

[7] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

[8] О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[9] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[10] Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. (с последующими изменениями) // Конституции государств Европы. Т. 1. М.: Норма, 2001.

[11] Чешин А. В. Экономико-правовые аспекты инновационной деятельности предприятий в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2023 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 426–433.

[12] Шакеров Р. Р. Право студентов с ограниченными возможностями на доступ к образованию // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 625–627.

[13] Code de l'éducation // Journal officiel de la République française (Официальный вестник Французской Республики), актуальная редакция 2023 года. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000042919730 (дата обращения: 19.08.2026).

[14] General Comment No. 13: The Right to Education (Art. 13 of the Covenant) // Committee

on Economic, Social and Cultural Rights. E/C.12/1999/10. 1999.

[15] Guide on Article 2 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights (Right to education) // Council of Europe/European Court of Human Rights, 2022.

References:

[1] Alamova S. M. Basic Principles for the Protection of Intellectual Property Rights in the Digital Environment // Legal Science. 2025. No. 5. pp. 139–143.

[2] Alamova S. M. Legal Mechanisms for the Protection of Intellectual Property in the Context of Digitalization // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 9 (237). pp. 348–351.

[3] Convention on the Rights of Persons with Disabilities, dated December 13, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 6. Art. 468.

[4] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru (accessed: August 19, 2026).

[5] Levkin I. V., Alamova S. M. Protection of Digital Assets // Main Trends in the Development of Modern Law: Issues of Theory and Practice. Proceedings of the VII National Scientific and Practical Conference. Kazan, 2023. pp. 129–134.

[6] Mayboroda E. T., Cheryavko E. D. Digital Traces in the Evidentiary System: Issues of Classification and Procedural Regulation // Legal Science. 2024. No. 7. pp. 284–288.

[7] International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, dated December 16, 1966 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. No. 12.

[8] On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.

[9] On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.

[10] Basic Law for the Federal Republic of Germany of May 23, 1949 (as amended) // Constitutions of European States. Vol. 1. Moscow: Norma, 2001.

[11] Cheshin A. V. Economic and Legal Aspects of Innovative Activity of Enterprises in the Digital Economy // Innovative Development of Russia's Economy: Challenges and Solutions: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 20, 2023. Moscow: Russian State University of Justice, 2024. pp. 426–433.

[12] Shakerov R. R. The Right of Students with Disabilities to Access Education // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 3. pp. 625–627.

[13] Code de l'éducation (Education Code) // Journal officiel de la République française (Official Gazette of the French Republic), current version as of 2023 // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000042919730 (accessed: August 19, 2026). [14] General Comment No. 13: The Right to Education (Art. 13 of the Covenant) // Committee on Economic, Social and Cultural Rights. E/C.12/1999/10. 1999.

[15] Guide on Article 2 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights (Right to education) // Council of Europe/European Court of Human Rights, 2022.